

Сутра делали перекрытие для правой стороны моста. Стучали топоры, глухо раздавалось эхо в утренней тайге. Ещё месяц хорошей работы, без простоев, без заминок, и по мосту можно будет пускать первые машины. Тогда ещё до зимы, не делая крюка в несколько десятков километров, они будут проезжать со станции в небольшой районный городок. Это если без простоев. А они, наверняка, будут. И за эти ещё не случившиеся простои заранее ругал себя Павел.

Сегодня бригадиру работалось трудно, как никогда. Топор валился из рук. Когда слышал, что где-то смеялись, ему хотелось кричать.

«Но где же доски? Далеко их увезти не могли. Вернее всего, или на станцию, или в райцентр. Про райцентр можно спросить у паромщика, он, наверняка, знает, если провозили, доски большие, их не спрячешь. А вот если на станцию, тут труднее. Прямых улик нет, а доски до времени в тайге могли схоронить».

Павел пошёл по гладко ошкуренному бревну на другой берег к Хромому. Внизу под ним шумела неширокая, но быстрая в этом

месте река. Хромой стоял на берегу, держа в руке топор, и что-то объяснял Вовке, парню лет двадцати восьми, два месяца назад устроившемуся в бригаду. И тут будто кольнуло Павла что-то в грудь, больно, даже сердце напуганно и быстро застучало. Вспомнил он слова директора: «Четвёртый мост в наших краях строишь. Ведь не случалось у тебя раньше такого. Значит, наверняка, кто-то из новеньких».

Павел почувствовал, как от волнения у него загорелись щёки.

– Алексей, – позвал он Хромого, – подойди.

И тут же подумал: «Нет, ему пока ничего говорить нельзя».

– Я опять в посёлок. Поговорю всё-таки, чтобы доски побыстрее прислали. Ты тут давай, командуй.

– Добро.

Хромой не скрывал, что одобряет решение бригадира.

Павел опять перешёл реку и направился к дороге. Зайдя в тайгу так, чтобы его не видно было с поляны, он повернул в сторону парома.

До переправы Павел дошёл быстро. Он чуть не бежал по тайге. «Я теперь знаю, кто вор, – думал

---

*Поздравляем замечательного человека и прозаика,
члена редакционной коллегии нашего журнала*

Валерия Викторовича Сдобнякова с Юбилейным Днём Рождения!

он, — теперь никуда не денется. Хитёр. Устроился в бригаду, узнал, что к чему и... Да и я хорош, раньше не мог догадаться, — ругал себя бригадир, — ведь через неделю после появления этого парня в первый раз доски пропали. Врёшь, я найду эти доски, они тебе поперёк горла встанут».

Хватаясь за тонкие стволы молодых берёзок и кустарник, Павел спустился с обрыва к берегу. Парома на этой стороне не было. Он стоял у противоположного берега, дожидаясь, когда на него заедут две очередные машины. Павел подошёл к самому берегу, сел на большой, поросший мхом, камень. Потом снова встал. Он не мог спокойно сидеть, когда может быть, сейчас узнает, кто же всё-таки вор.

По тропинке, бежавшей вдоль реки у самой воды, по направлению к парому шли двое. Павел сначала не обратил на них внимания и продолжал с нетерпением смотреть на противоположный берег. А двое тем временем всё ближе подходили к переправе. Вот уже отчётливо слышно, как скрипит под резиновыми сапогами крупная, отполированная водой галька. Этот звук отвлек Павла, и он машинально, повернув голову, начал всматриваться в приближающихся людей.

Впереди шёл невысокого роста старик в кепке, сдвинутой козырьком на самые глаза, в старой, порванной на рукаве фуфайке и в высоких болотных сапогах. Глаз старика видно не было, но выдавали года глубокие прорезы морщин на дряблых, давно не бритых щеках. Вторым шёл парень. Он тоже особым ростом не отличался,

но был молод, и поэтому двигался как-то иначе, беззаботно, даже весело. Парень был одет тоже в фуфайку, только новенькую, и от этого смотревшуюся рядом с порванной фуфайкой старика празднично. Через плечо парня висел широкий брезентовый ремень, из-за спины торчал ствол ружья.

— Доброго дня тебе, мил человек, — поздоровался старик, — парома ждёшь?

— Жду.

— Сейчас подойдёт, давно уж там стоит — старик сел рядом с Павлом на камень. За стариком подошёл парень. — А что, мил человек, нет у тебя табачку? Мы вон не рассчитали, искурили всё раньше срока.

Павел полез в карман за сигаретами.

— Чего с ружьём, вроде не сезон ещё?

— Это так, — старик махнул рукой, затем, приподняв козырёк фуражки и в то же время, будто нечаянно, прикрывая глаза ладонью, вытер со лба пот, — стволы пробуем, и по тайге заодно вон его вожу. Отвык, в армии был. Когда сезон начнётся, тогда зверя добывать надо, разгуливать некогда.

Павел достал из кармана пачку и молча протянул старику. Тот не брал, хотя казалось, что из-под засаленного козырька смотрел прямо на руку с сигаретами. Павел заметил, как парень осторожно толкнул старика в бок, и догадался, что тот слепой.

— Ещё одну не дашь? — спросил парень.

— Бери.

Павел протянул пачку. Парень достал одну сигарету и возвратил пачку обратно.

– Да бери ещё, чтобы хватило.

Парень покачал головой.

– Мы и так лишнего... А если бы тебя не встретили, что тогда?

– Молодец, паря, – закашлявшись, прохрипел старик, – чувствуется отцова школа. Тот тоже был любитель над собой поизмываться, – и уже повернувшись к парню: – Тебе надо вериги под рубашку вместо нательного, в самый раз бы пошло.

Парень недовольно поморщился, отвернулся в сторону и то ли сказал, то ли попросил:

– Кончай, дед.

Но старик продолжал.

– Нам бы всем вериги надеть, да не на тело – на души. Очерствел народ, позабыл, как сердцем маяться, как за чужую боль страдать. А ведь плохо это, ой, плохо... И словно позабыв, о чём только что думал, начал говорить совсем о другом:

– Но ты посмотри, что делается на свете. Разве это порядок. Он ещё мальчишка, жизни не видел, а уж с собой из армии, из чужой страны вон какое ружьё привёз. И ведь разрешили. Как называется то оно? Уж больно мудрено, не выговоришь.

– Винчестер, – недовольно пробурчал парень.

Он ещё что-то говорил, но Павел его больше не слушал. «Винчестер», – повторил он про себя. Затем ещё раз уже по слогам: «Вин-чес-тер». Павел пытался вспомнить, что связывает его с этим словом, и никак не мог. Но где же Павел его слышал?

Старик с парнем докурили, затоптали брошенные на песок окурки. Павел отметил про себя – у воды, а огня боятся. Путни-

ки, простившись, пошли дальше вдоль реки – старик впереди, парень сзади.

Наконец, причалил паром. Его борт стукнулся о причал и закрипел, будто готовый вот-вот развалиться. Медленно съехали с парома две бортовые машины нагруженные доверху коричневыми туго набитыми мешками, громко стуча колёсами, прокатилась по настилу телега. Павел дождался, когда опустел паром, и шагнул с пристани на палубу.

«Винчестер, от кого я слышал это слово, где, – думал Павел. – Может, уже встречался с этим стариком? Ерунда. Ружьё внук привёз недавно из армии, значит, если я раньше и видел старика, то про эту штуковину всё равно слышать от него не мог. Тогда от кого? Старик. А страшен он! Нет, такого не забудешь. Раньше я его не видел. Что у него с глазами, если он так боится их показать? Со зверьём всю жизнь дело имел, мог и вообще без головы остаться. Винчестер. Этот старик ещё помнит, как на медведей с рогатиной ходили. Сам, наверно, ходил... Только чего он там про вериги говорил. На души бы их надеть! Х-х-х – неплохо бы. Ерунда, не поможет. Пока всякая нечисть землю топчет, ни одни вериги не спасут. А, собственно, от кого спасаться нужно, от самих себя? Если нет, тогда от кого? Нас спасать от вора?.. А от кого спасать вора? От нас? Зачем его спасать? Но разве он не человек?.. Понесло!..»

И тут Павел разом понял, ощутил, что те воспоминания, которых он боялся и которые вроде бы уже успел забыть, всплыли в сознании и перенесли его на многие годы назад, в прошлое, когда он сразу

после разговора с женой устроился работать в путевую бригаду железнодорожников, которая меняла железнодорожное полотно на участке Решоты – Богучаны.

Стояла ранняя сырая осень. В эту пору каждый год не работа – мучение, а в эту осень особенно. Казалось, сама стихия возненавидела людей. Холодный ветер больно, словно кто с размаху бил тяжёлой мокрой тряпкой, хлестал по лицам. Намокшие, отяжелевшие фуфайки не держали тепла, совсем не грели, и потому люди часто бросали молотки, ломы, ругались и уходили греться к костру под навес, сооружённый ими самими из старого, с почерневшими досками от жирной масляной грязи щита и срубленных в тайге, прямо у железнодорожной насыпи, нескольких берёзовых стволов. Но и там не было спасения от дождя и ветра. И тогда на второй день работы Павла подозвал к себе дорожный мастер.

– Нужно идти в Решоты. Пусть присылают вагон, иначе загубим людей и дела не сделаем. Ты пойдёшь?

До станции, если напрямик по тайге, не больше тридцати километров. Дорогу в этих краях Павел знал, к тому же снег ещё не выпал, так что к ночи можно было успеть добраться до тепла, и Павел согласился.

– Давай, попробую.

Мастер снял с себя длинный, полы почти доставали земли, плащ, который в бригаде был только у него, и накинул на плечи Павла.

– Тянуть время не будем. Только поесть в дорогу возьми.

– Ладно.

Павел отломил от буханки ржаного хлеба ломоть, что убрался в ладонь, спрятал его в глубокий карман плаща.

– Ещё бы чего взял, идти-то не близко.

– Незачем, так легче.

Поначалу он шёл быстро.

Сразу, только углубившись в тайгу, Павел подался чуть в сторону, чтобы наткнуться на реку, неширокую и мелкую Пойму. Он знал, вдоль неё шла слабо наезженная, больше натопанная скотом дорога. Затем дорога поворачивала на другую сторону, в Больники, и оставшиеся семь-восемь километров придётся перебираться через тайгу. Но это не так уж и много. Главное – выручить время тут, в начале пути, а там как-нибудь.

К Пойме Павел вышел сразу, не блуждая. Хотел по привычке напиться, но вода в реке оказалась угрожающе чёрной, да и не подойти к ней. Бережки хотя и невысокие, да крутые, а там, где небольшой завал – одно-два дерева упали прямо в воду, а то до другого берега достали – так по ним идти скользко: в сапогах не удержаться, наверняка упадёшь.

Дорогу он тоже нашёл быстро и первые километры одолел скоро, и четырёх часов не прошло. И здесь пошёл снег. Сначала мелкий, несчастый, казалось, робевший опускаться, он подолгу кружился в воздухе и, лишь обессилев, быстро, будто с отчаянием, падал на сырую землю, чтобы растаять, исчезнуть. Затем появились хлопья покрупнее. Их становилось всё больше, больше... И повалило. За полчаса тайга преобразилась – не узнать. Посветлело вокруг, стало мягким, и идти вроде как лег-

че сделалось, веселее. Вот только плащ мешал, цепляясь лапами за сучья валежника и бурелома, за вывернутые и торчащие огромными растопыренными пятернями корневища опрокинутых деревьев. Особенно намучился Павел, пробираясь через гари. Обгорелые стволы, хаотично нападавшие на землю после пожара, и пни, порядком истлевшие, но ещё державшиеся, не развалившиеся в труху, густо заросли кустарником, и от этого сделались невидимыми. Павел несколько раз споткнулся, пока пробирался через это место, но самое неприятное было в том, что уходило время. Он понимал: скоро начнёт темнеть, надо торопиться.

Первый раз Павел решил отдохнуть, когда остались позади гари. Он выбрал место под высоким кедром, где ещё не успело навалить снегу. Поплотнее укутавшись в плащ, сел прямо на землю и только тут, вспомнив про хлеб, достал из кармана кусок, подержал его в горячих, от них даже пар шёл, ладонях и, отломив половину, начал медленно жевать. Другую половину спрятал в карман плаща.

Всухомятку есть было трудно. Хлеб прилипал к зубам, не проглатывался. И только теперь Павел почувствовал, как сильно хочет пить, как пересохло во рту.

Он встал. Река осталась метрах в сорока левее, и Павел решил сходить напиться.

Ему повезло. Хороший пологий спуск он нашёл быстро, и уже было начал спускаться по нему к воде, когда увидел следы. Они были ещё совсем свежими. Кто-то только что оставил их в не успевшей затвердеть от холода грязи у

самой воды. И поднимался человек от реки здесь, по этому же спуску.

Павел поёжился от ощущения сырости и холода.

«Кто здесь мог быть? От дороги далековато». Павел спустился к воде, но пить пока не стал. Что-то невольно притягивало его взгляд к этим следам. «Может, охотники? Да кому же ещё, как не им, здесь ходить». Павел поднял взгляд от следа и увидел валявшийся в стороне неширокий обломок шифера, неглубокую яму у самой воды. «Зачем он здесь, как сюда попал?» – ещё совсем не думая о чём-то конкретном, задавал себе вопросы Павел. И тут догадка, от которой сразу стало не по себе. «Шурф!» Павел понял, вернее, почувствовал, догадался, что за ним сейчас кто-то следит. Невидимый, он спрятался где-нибудь совсем рядом, в тайге. Павел быстро вскарабкался наверх, огляделся. Никого. Тогда он опять посмотрел вниз под ноги на яму и лист шифера. «Может, показалось. Не слышно было раньше, чтобы в этой реке золото мыли... Лезет в голову всякая ерунда».

Павел не успел повернуться в сторону кедра, под которым недавно сидел. Он только подумал вернуться, когда раскололось над его головой молочно-белое небо и выплеснулись из него огонь, боль и мрак. Павел не услышал выстрела. Он только почувствовал, как ударило его что-то горячее в плечо, сбило с ног, ткнуло лицом в ещё не успевшую затвердеть землю, и та завертелась, закружилась в буйной сумасшедшей скорости, скидывая его, Павла, в тёмную, наполненную огнём и болью пропасть. Он потерял сознание. Затем

оно вернулось к нему на какое-то мгновение, и в это мгновение затуманенным от боли рассудком он догадался, что с него стягивают плащ вместе с фуфайкой.

Очнулся Павел, когда стемнело, и первое что почувствовал, – холод. Затем услышал своё дыхание и неясное шуршание снега. А плечо жгло как огнём. Павел попробовал пошевелить рукой, и тут боль острой иглой прошла через всё тело. Тогда он отвёл в сторону левую руку, чтобы та была откинута так же, как и правая, и от этого движения опять потемнело в глазах, закружилось в стремительной скорости, и Павел каким-то чудом вдруг увидел себя со стороны, сверху. Будто, пролетая там, в вечернем потемневшем небе, глядел он на синевато светящуюся от снега землю и различал на ней крестик своего тела. А земля, продолжая стремительно вращаться, сжималась у него под грудью подобно высыхающему яблоку, становилась всё меньше и меньше в размерах, пока, наконец, совсем не исчезла где-то там, внутри него, в груди Павла. И тогда он почувствовал невесомость, лёгкость в теле. Под Павлом не было земли. Она теперь билась в груди вместе с сердцем, и миллиарды звёзд отвечали пульсирующим светом в одном ритме вместе с сердцем Павла.

Когда Павел снова открыл глаза, первое, что увидел, – это нависшие над самой головой чёрные и закопчённые доски потолка. На какое-то время в сознание пришла мысль, что это крышка гроба, и от этого, не удержавшись, Павел вскрикнул, попытался приподняться, но острая боль в правом плече вновь бросила его на спину.

Тогда Павел решил немного передохнуть и тут подумал: «Свет. Откуда он может быть в гробу».

– Что, очнулся? – раздалось в самое ухо. Затем послышался кашель, неприятный, натужный. Павел медленно, ещё окончательно не веря в голос, повернул голову и прямо перед собой увидел лицо старика, морщинистое, с узкими в прищуре глазами и длинной, густой, белой от седины бородой.

– Испугался? Ничего, главное, что заговорил.

Лицо старика поплыло куда-то вдаль, и тут Павел окончательно пришёл в себя. Первое, что он увидел, была старая керосиновая лампа. Казалось, она висела между потолком и, должно быть, глубоким полом. Но затем, когда глаза немного попривыкли, Павел разглядел и стол, на котором стояла лампа, и пол, и старика около стола, что-то переливающего из кружки в бутылку.

– Где я?

Павел думал, что спросил слишком громко. На самом деле голос его еле слышался.

– Ясно где, у меня. Охотник я.

Старик встал, неся бутылку в руках, подошёл к Павлу, и опять стало видно только его лицо.

– На-ко, попей.

Откуда-то снизу протянулась к губам Павла его рука с бутылкой.

– Что это?

– Травка. Да ты не тушуйся, вещь крепкая, враз на ноги поставит. Ну.

Лёжа пить было неудобно, и, сделав несколько глотков, Павел почувствовал, что задыхается, и отвернул голову от бутылки. Старик не успел сразу отёрнуть руку, и жидкость немного пролилась на подушку.

– Вот и ладно, это хорошо. Ну-ка, подвинься чуточку, – кряхтя, старик полез рукой за Павла. – Вот здесь она будет, ты её попивай понемногу, поможет.

Старик оставил бутылку воткнутой между жёсткой, набитой сеном вместо пера, подушкой и покатыми брёвнами стены. Затем ушёл в темноту и вернулся уже одетым в широкий полушубок и лохматую шапку с опущенными ушами.

– Ты, паря, лежи, а мне отлучиться надо.

И беззвучно, сняв со стены ружьё, старик тихо вышел. Павел даже не услышал, как хлопнула дверь. Он только почувствовал, что остался один, и ему сделалось страшно.

– Эй, старик, – негромко позвал он, но никто не ответил.

– Есть тут кто-нибудь? – ещё раз спросил Павел. Он говорил негромко, боясь собственного голоса. Опять тишина, никто не отвечал. Тогда Павел попытался встать. Он осторожно пошевелил ногами. Целы. Попробовал руками. Поддавалась только левая, правой пошевелить было невозможно от боли. Тогда Павел ещё раз огляделся. Стол с лампой стоял на прежнем месте. За ним чернела стена, такая же ребристо-выпуклая, как и та, около которой лежал сейчас Павел. Но на ней светлел небольшим прямоугольником оконный проём. Павел скользнул взглядом дальше по стене и наткнулся на угол, завешенный охотничьим снаряжением, капканами, старой изношенной одеждой. Не задерживаясь, взгляд двинулся дальше и снова остановился на двери. В другом углу было темно,

не разглядеть. Тогда Павел попробовал ещё раз пошевелиться, и это ему удалось. Он сдержался, чтобы не закричать, только простонал сквозь зубы. Зато сейчас повернулся немного на бок и мог видеть то, что было за ним. И первое, на что наткнулся взгляд, это ружьё. Оно висело совсем рядом. Казалось, чтобы его взять, достаточно протянуть руку.

Павел долго собирался с духом и, решившись, рванулся вперёд, протянул руку, и тут чернота, густая, непроглядная, хлестнула по глазам, забила горло так, что нечем стало дышать, и выдавила из груди крик – короткий, громкий и тут же захлебнувшийся.

Вновь очнулся Павел уже утром. По-прежнему на столе горела керосиновая лампа, и было так же темно, но прямоугольник окна высвечивался робким синеватым светом.

– Пить, – негромко прохрипел Павел, сам чуть раслышав свой голос. Но ему никто не ответил. Тогда, собравшись с силами, он попросил громче: – Пить.

Снова тишина. Павел закрыл глаза и стал прислушиваться. Ни шороха. Только в тёмном углу, в ногах, вроде бы кто-то дышал. Павел решил, что показалось. На самом деле это остывала прогоревшая за ночь печь. Скоро должны были уйти остатки тепла, и в зимовье сквозь незаметные щели начнёт заползать колючий недобрый холод.

Но Павел об этом не подумал. Он лежал и не понимал, то ли ему это снится, то ли на самом деле с ним кто-то разговаривает.

У него спрашивали:

– Тебе больно?

И он честно отвечал:

– Да.

– Ты бы хотел, чтобы этого не было?

И он опять искренне отвечал:

– Да.

– Ну что ж, стоит ли мучиться, когда вокруг столько жестокости, злобы. Проще уйти от людей, оставить их.

– Да.

– Тогда нужно дотянуться до ружья.

Павел открыл глаза, пошарил взглядом по стене. Ружьё висело как и прежде совсем рядом. Теперь он, пожалуй, смог бы до него дотянуться, а там... «И правда, зачем жить? Чтобы ещё раз увидеть, как один человек избивает другого, ещё раз почувствовать, как один обманывает другого, продолжать жить, чтобы ещё раз испытать то, что уже испытано, с лихвой, пережить заново боль от потерь, своего бессилия перед жизнью, чтобы ещё раз почувствовать себя слабым и ничтожным. Всё это уже узнано, пережито. Теперь только бы дотянуться до ружья, и лишь бы оно было заряжено... Пить хочется. Старик оставлял мне воду. Она здесь, рядом».

Павел осторожно нашарил левой рукой бутылку и, ещё не успев открыть её, уже почувствовал во рту неприятно-горький, вяжущий запах полыни.

Он зубами вынул из горлышка пробку, выструганную из берёзового сучка, выплюнул её и осторожно поднёс горлышко бутылки к губам. Он сделал всего один глоток и задохнулся, быстро отвёл руку с бутылкой в сторону и, не сумев её удержать из-за боли в плече, появившейся из-за резко-

го движения, выпустил бутылку из руки, и та упала куда-то вниз, стукнулась об пол, но не разбилась. Павел слышал, как, громко булькая, из бутылки вытекал отвар.

«Ну всё, больше тянуть нечего».

Павел посмотрел на висящее невдалеке ружьё.

Павел храбрился, но на самом деле ему было жутко. Он боялся не самой смерти, а того момента, когда она должна была наступить. Нет, не боли, а большого, непреодолимого отчаяния. Оно уже подходило к нему, было совсем рядом, и только сознание ещё сопротивлялось. Павел решил больше не жить. Он доказал себе, что незачем, доказал уже прожитым, увиденным, испытанным.

– То, что мог, ты совершил, – опять заговорил уже являвшийся Павлу голос, тихо, вкрадчиво, в самое ухо. Павел не мог отличить, то ли это, действительно, голос, то ли воспалённый болью мозг рождает слова в его сознании. Он чувствовал, как сила и уверенность покидают его, и, перебивая тихий голос, стараясь заглушить его, Павел закричал, теряя сознание:

– Не-е-е-т!

Старик вернулся только к обеду. Уставший, он не вошёл – ввалился в своё старое, построенное лет тридцать назад охотничье зимовье и только тут, почувствовав, что сил больше нет, повалился навзничь на пол прямо у порога. Услышав шум, Павел очнулся, открыл глаза. Он вновь увидел доски потолка, но уже не напугался, как в первый раз, а, наоборот, даже обрадовался – жив. Затем, ещё не понимая, что его разбу-

дило, обвёл взглядом зимовье, и только теперь увидел лежащего на полу старика. Грудь его часто и высоко поднималась, из горла доносился хрип.

Павел сверху вниз смотрел на старика, не в силах оторвать взгляда, и в то же время чувствовал, насколько бессилён и беспомощен сам. Он хотел встать, помочь, но не мог, и от этого становилось невыносимо. Тогда Павел снова оглядел зимовье, словно что-то ища в нём. На самом деле он собирался с силами. И вот когда понял, что хватит решимости, он, преодолевая боль в правом плече, перевалился на бок и упал вниз. Он приземлился на колени и тут же почувствовал, как обдало всего его жаром, как застыло сердце от глубоко наколовшей его боли и перехватило горло спазмом. Но сознание не потерял. Он корчился на полу от боли, скрипел зубами, удерживая в груди крик. Плечо горело, когда Павел подполз к старику и заглянул ему в лицо, густо заросшее бородой. Старик почувствовал его рядом, открыл глаза.

– Как тебе, легче? – прохрипел он, с трудом выговаривая слова.

Павел поначалу кивнул, потом ответил:

– Отпустило немного.

– Это хорошо, на поправку, значит, – продолжая задыхаться, с трудом выговорил старик. – Травка быстро людей поднимает. – И, помолчав, совсем тихо добавил, закрывая глаза: – А ведь не догнал я их, в Решоты ушли. Ищи теперь ветра в поле. Там железная дорога, куда подались, попробуй смекни.

Старик замолчал. Павел дождал ещё, но он больше не произнёс ни слова. Казалось, заснул. Маленькое окно в стене среди это-

го подвального сумрака светилось ярко и пугающе, будто солнечный зайчик, проникший в старое, давно заброшенное погребенье двух людей.

Охотник, задышавшись, хрипел всё громче. Тогда Павел засунул руку ему под бороду, нащупал впившуюся в горло верхнюю петлю полушубка и с силой рванул. Покатилась по полу оторванная пуговица. Сам старик не пошевелился, но хрипеть перестал, задыхался ровнее, спокойнее.

Старик очнулся, будто проснулся после глубокого сна, часа через два. Некоторое время лежал не шевелясь, с открытыми глазами, потом кряхтя сел на полу и только тогда заметил Павла, лежащего рядом, скрючившегося от холода и прижимавшего здоровую руку к раненому плечу.

– Кх, паря, да ты чего?

Старик проворно вскочил на ноги, наклонился к Павлу и, подсунув руки тому под спину, хекнув, приподнял от пола, протащил так до нар и только тут остановился перевести дух.

– Как же ты слез?

– Мне надо было, – простонал Павел.

– Во-во, ещё разговариваешь.

Старик собрался с силами, громко ахнув, подхватил Павла ниже бёдер и, взвалив себе на спину, резко, как пружина, распрямился и свалил Павла на нары.

– Так-то лучше.

– Здорово у тебя получается, – прошептал Павел, когда немного утихла боль в плече и исчезли из глаз чёрные круги.

– А ты, милоч, думал, зря дед всю жизнь один в тайге прожил. Одначе холодно, остыла печурка.

Не снимая полушубка, старик подошёл к печке. Разгрёб сваленные в углу дрова, нашёл кусок сухой бересты и затопил печь. Только после этого, расстегнув ремень, снял полушубок и повесил его в углу.

– Что, так один и жил? – негромко спросил Павел.

– А болит плечо, не легчает. Давай я тебе новую повязочку наложу, она поможет.

Старик долго колдовал над столом, укладывая в чистую белую тряпицу вымоченные в глиняной миске стебельки и цветы каких-то растений. Затем аккуратно сложив тряпицу подушечкой, взял её на ладонь и подошёл к Павлу.

– Давай приложим. Это должно боль снять.

Старик развязал повязку на плече Павла, и тот увидел, что под ней уже была приложена такая же подушечка. Охотник осторожно заменил тряпицу, туго завязал повязку. И почти сразу Павел почувствовал, как лёгкая, ласковая истома наполняет тело, прогоняя из него боль.

– Вот так, милоч, и живу один. А если и подумать, то зачем мне ещё кто-то?

Старик отошёл от нар, поднял с пола валявшееся у двери ружьё.

– Скучно, наверно, одному?

– Так ведь оно как тебе сказать... Зато чище.

– Что-то не похоже.

– А ты и не можешь знать, похоже или нет, потому как не жил подобно.

– Зато вижу.

– И видеть не можешь, так как имею я ввиду чистоту не плотскую – духовную.

– Чем же так сильно обидели тебя люди, если даже ушёл от них?

Старик не стал отвечать сразу. Он некоторое время подержал в руках ружьё, поглаживая по стволу и тускло поблёскивающему, давно потерявшему лак прикладу, отполированному частым прикосновением рук ложу, и только после этого подошёл и повесил его на стену, недалеко от головы Павла.

– Да вроде бы и ничем, – снова заговорил старик, – только одному жить сподручнее.

– А случись что, ведь помочь некому.

– Зато и понапрасну никто не обидит. А если и случится горе, так ведь оно опять от людей придёт... Вот на тебя несчастьюшко свалилось опять же не от грома небесного. Нет, когда один, то и ответ одному держать, и волю вольную пытаться.

– Как же так, отец?

– А вот так, – перебил заговорившего Павла старик, – эти двое, что в тебя пальнули, уже с неделю около Поймы жили. Видел я, пробовали они стараться, а толку никакого. Нет в Пойме золота и быть не может. Только они этого не знали. Мне бы подойти, сказать. А зачем? Дело-то они творят незаконное. Сообщить куда следует посоветуешь? Так опять же – с людьми только свяжись, добром не кончишь. Только раз подойди к ним, а там закутишься. Либо ты им что-то сделаешь, что-то должен будешь, либо они тебе. А порвать всё и бросить уже трудно будет. Долги, они крепко людей держат. Опять же – совесть. Сделай что не так, ведь замучает. Когда один, мучиться нечего, всё в тебе. Вот так вот, милоч.

– Связался бы ты с людьми раньше, я бы сейчас здоров был.

Сказал это Павел с плохо скрытой обидой в голосе, но старик этого, кажется, не заметил.

– Я бы и по-другому мог тебя спасти. Тот винчестер, из которого в тебя стреляли, предлагали они мне и просили недорого. Только не хотел я от них оставлять себе ничего, вот и отказался. Сдаётся мне, больше они в одежке нуждались. Дождь, снег. Ты, наверно, в плаще был?

– Да.

– Вещь в такую пору в тайге перво необходимая... А ты, милоч, зря осуждаешь за то, что к людям идти не хочу. Подумаешь вот как-нибудь потом, когда поправишься, над тем, что я тебе сейчас говорю, и согласишься. Сам человек должен отвечать за себя. Когда один – это и откровение, и правда. Обманывать незачем, врать некому, значит, чист.

Старик вернулся к печке, подбросил в неё дрова и, взяв ухват, подставил поближе к огню чугунок.

«Обманывать незачем. Врать некому. Значит, чист». Павел несколько раз повторил про себя эти фразы, несколько раз заставлял себя вникнуть в их смысл, прежде чем опять, в который уже раз, забыться.

В последний раз он проснулся внезапно, будто его разбудили, толкнув в плечо. И тут же всплыла в сознании мысль: «Я же на станцию шёл». В зимовье было тепло. Так же, как и в прошлую ночь, тускло светила керосиновая лампа. Старик сидел рядом с ней за столом, чистил ружьё.

– Отец, – позвал Павел.

Старик обернулся, сощурился, глаза, посмотрел на нары.

– Что, проснулся? Тебе бы,

милоч, поесть надо. Обессилишь не евши-то, это плохо.

– Отец, послушай, отвези меня на станцию.

– Зачем это на ночь глядя, да и тяжело тебе сейчас.

– Надо, понимаешь, там ребята, они ждут.

– Эх-хе-хе, – старик поднялся из-за стола, подошёл к нарам и долго молчал. Затем спросил: – Так поешь чего-нибудь?

– Нет, не могу я. Мне в Решоты нужно, на станцию. Там в тайге ребята, они послали за...

– А жалко мне тебя, – перебил Павла старик, – не можешь уйти от людей, крепко с ними повязан. Долгов много. Помыкаешься ещё, хлебнёшь горюшка.

Старик пошёл в угол, накинул полушубок. Затянувшись ремнём, снова подошёл к нарам и, сняв со стены ружьё, долго держал его в полусогнутой руке, словно проверяя тяжесть.

– Ладно, пойду предупрежу насчёт твоих, да и скажу, чтобы тебя забрали.

Павел лежал не шевелясь, с открытыми глазами. В зимовье ни звука, только слышно, как несильно бьёт в окно поднявшийся в тайге ветер, и ещё лёгкий, еле слышный звон стоит в воздухе. И предчувствие, будто что-то неотвратимое надвигается сейчас из глубины тайги на маленькое охотничье зимовье, и Павел, бессильный, недвижимый, ждёт того часа, когда эта неведомая сила сметёт его вместе с ветхой избушкой, закрутит и швырнёт в новый мир, враждебный, жестокий и ещё более непохожий на тот, что остался позади.